

Генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин — легендарный руководитель Первого Главного управления КГБ СССР, ветеран советской разведки — в беседе с Александром Агеевым и Александром Исаевым обсуждает важные переломные события в истории СССР и России, проблемы безопасности, профессионализма государственных и военных управленцев, военного строительства, перспектив внешней и внутренней политики Российской Федерации, а также рассуждает о роли религии и сути семейного счастья.

Какую роль играл в советской истории Берия? Это одна из тех фигур, чья реальная роль до сих пор не раскрыта.

Она так и не будет, видимо, раскрыта, для этого недостаточно документов. Но и когда есть документы, надо учитывать, что эти документы составлялись людьми, а человек никогда не бывает объективен. Кстати, большая часть уголовного дела Берии куда-то исчезла. Есть документы Пленума ЦК КПСС, выступление Хрущева, но эти документы лживые. Поэтому приходится сопоставлять разные объективные обстоятельства и субъективные мнения людей.

Я считаю, что Берия был выдающимся организатором и государственным деятелем. Его сначала ошельмовали, а потом уничтожили, потому что он как государственный деятель и как организатор был на голову выше, чем Хрущев, Маленков, Булганин

Фото: ИНЭС

Всегда есть место для подвига

и Каганович. Это человек, который создал атомную промышленность, тяжелейшее было задание. Он провел самую крупную амнистию, что позже было вменено ему в вину, мол, хотел подорвать советскую власть. Берия высказывал очень трезвые мысли относительно объединения Германии. Этим в конце концов дело и кончилось, но объединение могло произойти на более выгодных для нас условиях. Наверное, он, как и его соратники, был человеком властолюбивым, возможно, более жестким и способным на более

решительные меры, чем группа, которая его свергала, но я не считаю Берию отрицательным героем и злодеем.

Некоторые эксперты говорят о том, что устранение Берии было спецоперацией.

Ну какая спецоперация! Обычный дворцовый переворот. Был перспективный человек, который мог стать главным, а его противники совершили переворот.

В 1980-е годы Вы были начальником Первого Главного управления

КГБ СССР, а в стране в это время шли сложные процессы. У Вас не было ощущения, что приоритеты в разведке постепенно меняются?

Внешняя политика не является чем-то неизменным. Неизменными должны быть национальные интересы. Но, к сожалению, это правило не всегда соблюдалось — в зависимости от того, какая группа оказывалась у власти, менялось и представление о национальных интересах. Особенно наглядно это проявилось и имело наиболее пагубные последствия в период перестройки. Помните, тогда была выдвинута совершенно безумная идея «общечеловеческих ценностей», преступная идея. Главная ценность государства — это интересы народа, они во многом совпадают с общечеловеческими ценностями. Но общечеловеческие ценности не могут

Православие учит человека присмотреться к самому себе, не переоценивать себя.

быть тем фундаментом, на котором строится государственная политика. Они могут стать основой благотворительной деятельности, например церкви. Но руководство страны должно заботиться исключительно об интересах собственного народа, пусть это и государственный эгоизм. Кстати, из этого исходит весьма успешная политика США. Американцы не стесняются об этом открыто говорить. А у нас был период помешательства на общечеловеческих ценностях, на них Михаил Сергеевич хотел въехать в историю, и въехал. На Западе его считают героем. Но во внешней политике общечеловеческие ценности для нас обернулись сдачей всех позиций, какие можно было сдать, распадом Варшавского договора, предательством наших союзников. Я имею в виду Афганистан, Кубу, те режимы, которые были созданы Советским Союзом в странах Восточной Европы. И кому-то это стоило жизни.

Кубинцы оказались людьми с железным стержнем, им было очень тяжело, но они выстояли. Тогдашняя ельцинская, козыревская Москва с удовольствием их сдавала.

А была ли это капитуляция де-факто?
По существу? Да.

Мы потеряли территорию, вооруженные силы, репарации платим в разной форме, сменили политический режим.
Совершенно верно.

Не надорвались ли мы как нация, помогая окраинам, помогая всему миру, иногда ставя ложные цели?
Боюсь, что на этот правомерный вопрос нет однозначного ответа. Я во всяком случае не готов выносить какое-то суждение по этому поводу. На мой взгляд, стоит присмотреться к историческому

опыту: начало XVII века, Великая смута, государства, по сути, нет, польская интервенция, мародерствующие казаки, татары, голод вплоть до людоедства, боярская верхушка, готовая продаться полякам и продавшаяся. И тут появилось ополчение из низкородных людей, которое возглавили отпрыск захудалого рода Пожарский и новгородский мещанин Минин. Россия выжила. Во второй половине XVII века ею правил очень разумный, гуманный царь Алексей Михайлович, который начал планомерное преобразование страны, создал регулярные вооруженные силы, заложил основы промышленности и современной системы образования. Подавили бунт Разина, у которого не было никаких конструктивных идей, только грабеж.

Россия обновлялась, тому есть интересные свидетельства иностранных путешественников, побывавших у нас. Они в своих путевых

«Перестройка» высвободила колоссальную энергию, которую оказалось негде применить.

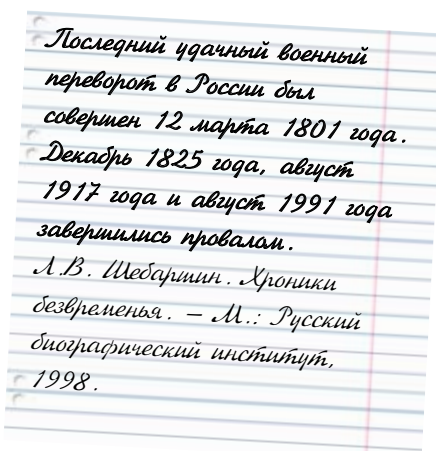
А.В. Шебаршин. Хроники безвременья. — М.: Русский биографический институт, 1998.

заметках отмечали много положительного. Олеарий, по-моему, писал об обилии продовольствия в России, о непривычном для Западной Европы обычае ежедневно мыться в бане. А потом престол занял его сын Петр Алексеевич. Для меня Петр почти однозначно негативная фигура. Он попал под влияние европейского отребья из Немецкой слободы. В результате поступательное, равномерное движение было нарушено. Началась война против всего русского, против церкви, народных обычаев, против тех же самых бань, которыми восхищались иностранные путешественники. Бани были обложены такой пошлюиной, что простой человек содержать их не мог.

Да, был создан флот, но он в основном сгнил, ему не нашлось применения. Со шведами повоевали, но Северная война шла 21 год. Василий Осипович Ключевский, который очень осторожно описывал петровские времена, считал, что если бы мы захватили даже всю Швецию, то это не окупило бы и доли того ущерба, который Северная война нанесла России. А потом был тяжелый реформаторский период, я бы сказал, время бездумного реформирования. Пятая часть населения погибла. После смерти Петра — междоусобица, бироновщина, миниховщина и все прочее. Опять же Россия чудесным образом выравнивается — развиваются промышленность, осваиваются новые плодородные области в Малороссии, ведутся успешные войны, в частности за Крым против турок. Возобновляется поступательное раз-

витие. К концу XIX века Россия — это мощная держава со всеми атрибутами, необходимыми для того, чтобы развиваться в экономическом, военном, культурном плане.

В начале XX века опять происходит какая-то ерунда — революция 1905 года, Русско-японская война, революция 1917 года. В результате на территории некогда единого государства появляется около пятидесяти квазигосударственных образований: Архангельская республика, Красноводская республика, Самарская республика, Рада, Директория и т.п. Семен Людвигович Франк где-то писал, что это страшное зрелище — великий народ покончил с собой, совершил самоубийство. Есть интересные воспоминания Александра Федоровича Керенского относительно того, как рассматривали ситуацию в России союзники по Антанте. В августе 1919 года, кажется, Ллойд Джордж, тогдашний

возродили разрушенную экономику, а затем модернизировали ее. Советский Союз, русский народ, совершивший самоубийство в 1918 году, оказался первым в космосе, добился превосходства в создании ядерного оружия. Конечно, это достигалось ценой колоссальных усилий, за счет людей. Мы жили довольно скудно, ждали светлого будущего и довольствовались малым.

Нам еще много придется сделать для того, чтобы Россия могла чувствовать себя не просто равноправным, а сильным участником международных отношений.

премьер-министр Великобритании, выступал в Палате общин и, отвечая на вопросы по поводу отношения британского правительства к белому движению в России, сказал: «Конечно, мы полностью поддерживаем антибольшевистские устремления Колчака и Деникина, но и тот, и другой выступают за единую и неделимую Россию, а с этим мы согласиться никак не можем».

И тем не менее каким-то чудесным образом Россия возродилась.

Наступил 1941 год, и этот «покончивший с собой» народ нанес поражение самой мощной, самой страшной, самой современной военной машине мира. Мало того, в очень короткие сроки мы

Если совсем упростить, я начинаю верить в какие-то вещи, которые марксистскому анализу не поддаются. Бог не без милости. Да и марксистский анализ, на мой взгляд, полностью дискредитировал себя. Правда, нынешние политологи не лучше — незнание, невозможность понять какие-то глубинные процессы прикрывают хитроумными формулами, умозрительными рассуждениями. Я время от времени почитывал Василия Осиповича Ключевского и нашел у него оправдание собственному невежеству. Прочитав его по памяти: в истории есть своя связь явлений, есть свои законы, которые столь же мало постижимы человеческим разумом и столь же мало подвержены его воздействию, как и законы природы.

Какова, на Ваш взгляд, сегодня роль православия?

Я считаю, что оно играет очень важную роль. Мы должны вернуться к своим истокам, своим традициям, на которых строилась жизнь в России. Когда от всякой ерунды устают голова, я с удовольствием перечитываю Ивана Шмелева: Россия, православие — добрая религия, человеколюбие, милость, прощение. Это как окунуться в прохладную воду. Правда, ужасно не хочется прощать врагов, но есть другой способ — не надо их приобретать, тогда и прощать некого будет. К себе строгое отношение — это тоже невероятно трудно. Недостатки окружающих заметны, как та самая соломинка в глазу. Бревна в своем глазу не замечаешь. Православие учит человека присмотреться к самому себе, не переоценивать себя.

Церковь есть место для общения людей, доброго, нравственного общения. Стали ли современные храмы таким местом? Не знаю, я сам в церковь не хожу, хотя и крещен, спасибо бабушке, но каждое утро вижу крест над куполом монастыря. Считаю, что религия как таковая (для русских — это православие, для татар — ислам) очень важна. Другое дело, что есть корыстные люди, как правило, недалекие, а иногда и достаточно образованные, которые пытаются использовать религию в корыстных целях. Последствия, как правило, бывают тяжелыми. На днях у меня был мой друг, довольно заметный мусульманский деятель, и мы с ним, не стовариваясь, заговорили о том, что одна из неприятных вещей, которые могут произойти, — неприязнь между православными, мусульманами, иудеями, буддистами. Для такой страны, как Россия, — это пагубно. По мере сил надо содействовать тому, чтобы чужие взгляды, чужая религия уважались.

Как Вы думаете, в чем секрет семейного счастья?

Трудно сказать. Счастье — это когда общение в семье доставля-

ет удовлетворение, когда между ее членами есть любовь. В любой семье могут возникать какие-то сложности, но в хорошей семье они решаются миром и быстро. Дружная семья помогает пережить горести, болезни, расставание с близкими. Хорошо, когда семья большая. Я воспитывался в окружении многочисленных родственников: три тетки и три дядьки, их мужья и жены — это уже 12 человек, и у каждой пары по двое, а то и по трое детей. Вот такой муравейник. Великолепные были люди, простые, русские, работающие люди. Сейчас, к сожалению, мои двоюродные сестры и братья помаленьку уходят, царствие им небесное. Я среди них первый генерал и первый человек с высшим образованием. Потом другие пошли, я считаю, по моим стопам. Семья — великое дело. Семья, друзья и человеческое окружение — это то, чем человек живет всю жизнь. Я могу судить об этом с высоты прожитых лет. В старости, после 75, это особенно ясно понимаешь.

Старость, по мнению психологов, начинается после 80. От 60 до 80 — период поздней взрослости. Когда Михаилу Андреевичу Сулову исполнилось 80 лет, его наградили, как и положено, орденом Ленина. В своем благодарственном слове он сказал: «Я рассматриваю эту награду как аванс». И все вздрогнули.

А в чем секрет воспитания детей, внуков?
Нет никакого секрета. Главное — наладить с детьми нормальное общение без одергиваний, без окриков.

Человеку нужно очень немного для счастья и еще меньше для несчастья.
Л.В. Шebarшин. Хроники безвременья. — М.: Русский биографический институт, 1998.

Фото: Фотохроника ТАСС / Роберт Нетелев. Президент Российской национальной службы экономической безопасности Л.В. Шebarшин, 1993 г.

А как же баловство, вседозволенность?

За баловство — подзатыльник. У нас не Финляндия, где за шлепок можно сесть в тюрьму. Правда, я не злоупотреблял этим средством, пользовался им очень редко. Здравая строгость никому еще не повредила. Когда дети были маленькие, я в «Детском мире» на Лубянке регулярно покупал книги и диафильмы. Еще были чудесные пластинки с детскими сказками — трогательная, хорошая музыка, приятные голоса: «Златовласка», «Слоненок-турист», «Бременские музыканты». Потом появилось это несчастье — телевизор. Прихожу с работы, а перед телевизором две макушки. Ну, я немножко потерпел, а потом выдернул предохранитель. Они, конечно, поворчали, но стали читать книги,

общаться друг с другом, смотреть диафильмы. Через полгода предохранитель ввернул, но телемания уже прошла.

А какие книги Ваши дети должны были, на Ваш взгляд, обязательно прочесть?

Они много читали. В детстве это были Чуковский, Андерсен, братья Grimm, а потом Аркадий Гайдар, Паустовский. К счастью, мои дети — и сын, и дочка — выросли читающими людьми. В нашей семье книг всегда было много. Мой отец работал на Арбате, а там было несколько книжных магазинов, и он регулярно с полочки покупал книги. Я каждый месяц их с нетерпением ждал. Маме было не до чтения, но я помню, что и она читала — «Тихий Дон», «Хождение по мукам» и «Угрюм-река». В этих кни-

Фото: ИТАР-ТАСС / Алексей Жигайлов

гах есть все, вся наша жизнь. Ну, я бы еще добавил «Войну и мир».

Книги были и остаются в доме. Их становится все больше, и я никак не могу сказать: «Стоп!» Выходят все новые и новые, одна интереснее другой, и все их хочется прочесть. У нас тут образовался такой небольшой кружок книголюбцев, и мы обмениваемся книгами.

Как глобальное наднациональное управление соотносится с защитой национальных интересов конкретных стран, в частности России? Не пришла ли пора для какого-то наднационального менеджмента?

Не думаю. Здесь дело не только и не столько в состоянии внешней среды, сколько в состоянии нашего национального организма. Важно оценить, насколько Россия независима в области финансов, экономики, в военной, интеллектуальной области, в области общественного устройства, а также выяснить, каково отношение общества к власти и власти к обществу. Все эти компоненты в конечном счете определяют, способна ли наша страна отстаивать свою независимость в этом, как бы ни банально это звучало, взаимозависимом мире. В мире, где одни

государства навязывают свою волю другим. Национальный эгоизм, как я уже сказал, продолжает быть одной из принципиальных основ внешней политики.

Что касается оборонной составляющей, она является необходимым условием суверенитета любой страны. По-моему, ситуация в России довольно тяжелая. К чему приведет нынешняя военная реформа, трудно сказать. На этот предмет есть разные мнения. Официальная позиция — оптимистическая, но она и официальная позиция.

Если говорить об экономической независимости, то тут надо точно знать, сколько продовольствия мы завозим из-за границы.

В целом по стране приблизительно 80 процентов.

Так о какой же независимости можно говорить? А еще хуже зависимость от трубы — это нездорово, абсолютно нездорово. Фундаментальная наука у нас в плачевном состоянии. И так далее и тому подобное. Так что нам еще много придется сделать для того, чтобы Россия могла чувствовать себя не просто равноправным, а сильным участником международных отношений. Пока этого нет.

В прошлый раз на вопрос о том, что Вас больше всего огорчает, тревожит в отечественном бизнесе, вы сказали: когда предают друзья, даже одноклассники обманывают.

Да, с чем-то подобным сталкиваюсь до сих пор.

А как бы Вы сейчас оценили деловую культуру?

Думаю, сегодня надо говорить не о деловой культуре, а о том,

что беспокоит буквально всех — о коррупции. У меня нет других источников информации, кроме газет. И буквально в каждой газете ежедневно появляются сообщения о случаях дачи и получения взяток. Размеры этих взяток выросли до астрономических величин. Из сообщений в печати ясно, что продаются и покупаются все государственные должности, не знаю, правда, до какого уровня. Это явление стало привычным, превратилось в неотъемлемую составляющую государственной культуры.

Мой друг, в прежние времена большой милицейский начальник, оказался на торжественной встрече в МВД. К нему за советом обратился полковник, его бывший подчиненный, которому предложили какое-то место за определенную сумму в долларах. Не знаю, что мой друг ответил, но слышать такое ему было дико, и в перерыве, когда вокруг него собрались люди, он произнес филиппику по поводу того, насколько развратились нравы. Когда он начал говорить, рядом стояло человек десять, и вдруг все разбежались, кроме двух ветеранов.

Как майор Евсюков в 30 лет стал начальником окружного отдела милиции? В Москве подобная должность стоит очень дорого. Откуда берутся такие деньги? С обывателя, с бизнесмена.

Мы, русские, склонны прибавлять не по природной испорченности. В нашей истории слишком много эпизодов, не поддающихся правдивому объяснению без нанесения ущерба чувству национального достоинства.
Л.В. Шебаршин. Хроники безвременья. — М.: Русский биографический институт, 1998.

Если государственное учреждение не поражено коррупцией, значит, оно никому не нужно.
А.В. Шебаршин. Хроники безвременья. — М.: Русский биографический институт, 1998.

Все это, на мой взгляд, очень печально. Государство не может быть построено на личной корысти. Вот говорят о поддержке малого и среднего бизнеса, а малый и средний бизнес волком воет, его задавили со всех сторон.

У Вас есть любимый афоризм?

Я умный — никогда не наступаю дважды на одни и те же грабли, но каждый раз на новые.

Я недавно перечитал удивительную книгу Валерии Дмитриевны Пришивиной «Град невидимый». Она пишет о том, что иногда терпение и спокойное вразумление тех, кто рядом, имеют гораздо большее значение, чем подвиги. Какой-то циник сказал: хорошо бы пожить там, где нет места подвигу.

А что такое подвиг сейчас?

Жить, заботиться о семье, о близких, по мере сил делать что-то полезное для своего народа. Мой народ — это русский народ, и я, естественно, переживаю за то, что с ним происходит.

Когда мы с Вами говорили десять лет тому назад, в Ваших словах сквозила грусть по утраченной великой стране.

Александр Иванович, Вы должны сделать скидку на ветеранское восприятие действительности. Для ветеранов совершенно естественно очаровываться прошлым, и не только потому, что оно было лучше с точки зрения социальной

Государство не может быть построено на личной корысти.

или экономической, а по самым простым причинам — в прошлом мы были молоды, энергичны, увлечены работой, ребяташки росли, появлялись новые друзья, и казалось, что это будет продолжаться бесконечно. Все светлое, радостное у нас ассоциируется с прошлым. Тогда и болезней не было, и зимы были холоднее, и горы выше. Поэтому я стараюсь

немножко одергивать себя, когда оцениваю происходящее.

Да, я воспитывался в другой системе ценностей, но ведь есть и вечные, неизменные ценности — семья, друзья, верность своему народу, своей стране. Вот за народ, за страну, за семью мне тревожно.

Как бы Вы оценили последние 20 лет российской истории, когда страна совершила переход от одной общественно-политической системы к другой?

Этот переход был хорошо организован. В СССР существовало жестко структурированное обще-

ство. Советский человек с детства оказывался в строю: пионерская организация, комсомол, партия. Почти все беспартийные были членами профсоюза. Все было прекрасно организовано, и лозунги провозглашались, на мой взгляд, безупречные — гуманизм, солидарность, забота о человеке. Но не всегда они воплощались в жизнь. И потом, почему-то за солидарность приходилось расплачиваться в первую очередь русскому народу.

Территория России на протяжении столетий расширялась не в результате стремления к захватам, не по экономическим, а исключительно по оборонительным соображениям, поскольку она была окружена не очень приятными соседями. На западе — немцы, на юге — турки, беспокойные племена вроде туркмен и казахов. На этих направлениях русские дошли до естественных пределов и остановились. А предел на востоке оказался очень далеко, пришлось идти до Тихого океана. И эти окраины обустроивались за счет Центральной России. Началось это не при советской власти, а гораздо раньше.

Фото: ИНЭС

ПЭС 10144/11.06.2010